

Роль и значение Верховного суда Израиля в организации и функционировании национальной правовой системы

Даниелян Армен Сергеевич

преподаватель, кафедра теории и истории государства и права, Кубанский государственный университет

350000, Россия, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 43

Danielyan Armen Sergeevich

Educator, the department of Theory and History of State and Law, Kuban State University, Kuban State University

350000, Russia, Krasnodar, Rashpilevskaya Street 43

✉ armen1992@mail.ru

[Статья из рубрики "Судебная власть"](#)

Аннотация. В статье рассматривается эволюция культурно-правовых воззрений Верховного суда, послужившая отправной точкой в формировании и обеспечении конституционных прав и свобод в израильском обществе. Автором рассматриваются основные этапы становления Верховного суда Израиля, а также приводится характеристика основных элементов, повлиявших на формирования современного образа Верховного суда и его роль в формировании правовой культуры израильского общества. Особое внимание уделяется трансформации в деятельности высшего судебного органа Государства Израиль в период 1980-1990-х годов – перехода к политике судейского активизма. В исследовании используются сравнительно-правовой и формально-юридический методы, а также приемы и способы системного анализа и синтеза. По результатам исследования автором делается вывод, что Верховный суд Израиля сыграл важную роль в формировании и гарантии конституционных прав и свобод в израильском обществе, а также, вплоть до настоящего времени, выступает в качестве основоположника и двигателя правовых инноваций в стране.

Ключевые слова: Израиль, правовая система Израиля, Верховный суд, смешанная юрисдикция, общее право, прецедентное право, правовая конвергенция, правовая среда, судебная ветвь власти, судейский активизм

УДК: 34.0

DOI: 10.7256/2454-0706.2017.3.22217

Дата направления в редакцию: 06-03-2017

Дата публикации: 07-04-2017

Abstract. This article describes the evolution of cultural and legal views of the Supreme Court, which served as a starting point in formation and maintenance of the constitutional rights and freedoms in the Israeli society. The author examines the main stages of the Israeli Supreme Court, as well as provides a description of the main elements that influenced the formation of modern image of the Supreme Court and its role in establishing the legal culture of Israeli society. Particular attention is given to the transformation that took place in the work of the highest judicial authority of the State of Israel over the period of 1980-1990, which consists in transition towards the policy of judicial activism. The goal

of the research lies in examination of activities of the Supreme Court of Israel, the analysis of the Court's role in the national legal system and its impact on the legal culture of the Israeli society. Based on the result of this work, the author concludes that the Supreme Court of Israel has played an important role in establishing and ensuring the constitutional rights and freedoms to Israeli society, and until present day, is the founder of legal innovations in the country.

Keywords: legal convergence, case law, common law, mixed jurisdiction, Supreme Court, Israeli legal system, Israel, legal environment, judicial branch, judicial activism

Многогранное и объективное исследование правовой действительности Израиля тяжело представить без исследования роли высшего судебного органа государства в функционировании правовой системы. По утверждению израильских правоведов Верховный суд Израиля представляет собой наиболее «проактивный» судебный орган в мире [\[4, p. 407\]](#). Такое положение дел не лишено определенной доли критики [\[19, p. 170-180\]](#). Главный упрек противников «проактивной» ориентации Верховного суда Израиля заключается в том, что такой подход может превратить Израиль в *Richterstaat*. При этом исследователями высказываются мнения, что при существующем положении дел, несмотря на то, что судьи Верховного суда обладают значительными судебными полномочиями, которые они, несомненно, использовали в прошлом, нельзя сказать, что государство достигло той точки, когда его можно охарактеризовать как *Richterstaat*. В любом случае, за исключением Верховного Суда Израиля [\[5, p. 456; 19, p. 57\]](#), возглавляющего израильскую судебную систему и являющегося надзорным органом всех государственных трибуналов в стране, есть, по крайней мере, три предпосылки, которые поспособствовали Суду нарастить тот объем власти, которым он обладает на сегодняшний день:

- привнесения изменений в собственную правоприменительную практику;
- осуществление значительного контроля над органами исполнительной и законодательной власти [\[19, p. 61-67\]](#);
- предоставление себе полномочий, в основном за счет активной судебной политики, которые изначально за ним не предусматривались [\[1\]](#).

Предпосылкой изменения в судебной практике Верховного суда явилась перестройка деятельности Суда, которая заключалась в переходе от установок формалистского типа к ценностно-ориентировочным установкам конкретной политической модели. В частности, ядро системы ценностей, которую продвигал Суд, составляли правовые идеи либерализма, а также права человека. Кроме того, последующие изменения в «израильском разделении властей» являются результатом эволюции в деятельности Суда. Таким образом, – утверждает М. Маутнер, – Верховный суд и Кнессет совместно «принимают участия в нормативных и дистрибутивных решениях» [\[19, p.148\]](#).

Правовая культура, разработанная в стенах Верховного Суда Израиля в 1950-е годы, зиждилась на принципах, в корне отличавшихся от господствовавшей в тот период времени идеи коллективизма.

Прецеденты, заимствованные судом из Англии и других стран *commonlaw*, будь то в области публичного права или частного права, основывались и отражали ценности

теории либерализма. В то время как в основе коллективистского воззрения лежит предположение о том, что государство и общество имеют право подчинить индивида своим целям, теория либерализма предусматривает примат индивида над обществом.

Резкий контраст между культурой коллективизма и проводимой Верховным Судом правотворческой деятельностью в первое десятилетие образования Государства Израиль сделали его «культурным чужаком» в израильском обществе. Однако, как отмечает Й. Хольцман-Газит, при всех противоречиях и сложностях «еврейское государство и дело сионизма являлись важной составной частью воззрений Суда. Судьи Верховного суда воспринимали свою деятельность как обособленную от политики, но не как обособленную от сионистского мышления и деятельности» [\[11, p. 245\]](#).

Дальнейшее усиление напряженности между правовой культурой и общей культурой государства была смягчена идеологией правового формализма, направленной на управление израильским юридическим сообществом в целом и, в частности, судами [\[2\]](#).

Сущность правового формализма заключается в восприятии права как самостоятельной системы норм и понятий, предназначенных для работы в соответствии со своей внутренней логикой [\[16; 21; 13; 12\]](#). Правовой формализм размывает взаимосвязь между правом и обществом, в котором он действует, т. е. он размывает нормативное содержание права, его социальные корни, а также значение права для общества. В связи с этим можно отметить, что в настоящее время в Израиле реализована модель, более близкая к американской. Верховный суд как орган конституционного судебного контроля выступает в качестве независимого арбитра между законодательной и исполнительной ветвями власти, имея широкие полномочия по пересмотру их решений, и одновременно с этим является высшим органом судебной системы страны [\[26, с. 13\]](#).

Дальнейшая эволюция, произошедшая во взглядах Верховного суда в 1980-е годы, стала принятие судом решительной политики судебской активности. Как отмечает Д.Я. Примаков, именно в этот период Верховный суд Израиля выступая в своей второй ипостаси, - Верховного суда справедливости (БаГаЦ), - начал наиболее оживленно вмешиваться в общественную жизнь, пытаясь регулировать разные области и стал претендовать на функции законодательной и исполнительной властей [\[28, с. 165\]](#).

Преобразование деятельности Верховного суда от судебного «формализма», унаследованного от британской традиции, к судебному «активизму», характерному для американской системы, наиболее ярко отражающей веру современного либерализма в возможность правового регулирования социально-политических процессов и конфликтов, сразу же нашла горячих сторонников и не менее горячих противников.

Первые видели в этом возможность осуществления конституционного контроля за решениями законодательной и исполнительной ветвей власти, часто продиктованными не заботой об общественном благе и власти закона, а сиюминутными интересами. В свою очередь критики судебного «активизма» указывали, что право пересматривать законы, принятые Кнессетом, нарушает принцип разделения властей и (особенно принимая во внимание отсутствие формальной конституции) позволяет судебной власти вторгаться в прерогативу законодательной деятельности парламента [\[27\]](#).

В целом деятельность Суда в период 1980-х гг. ознаменовалась следующими событиями [\[20\]](#).

Во-первых, Верховный Суд по существу отменил ограничительное толкование, прежде закрепленное доктриной исковой правоспособности (Doctrine of Standing). Эта доктрина определяет условия, которые должны быть выполнены для подачи иска в Верховный суд с просьбой рассмотреть деятельность двух других ветвей власти [24; 25].

Традиционно в рамках израильской доктрины правоспособности, гражданин, намеревавшийся обратиться в суд, должен был представить доказательства, что охраняемые законом права и интересы были нарушены действиями исполнительной власти. В 1980-е годы, однако, Верховный суд облегчил требования к истцам, определив, что граждане могут обращаться в суд не только по вопросам, непосредственно затрагивающим их, но и в отношении любого вопроса, поднимающего конституционную проблематику [7; 9].

Во-вторых, Суд существенно расширил область рассмотрения спорных правоотношений в судебном порядке. Теперь в судебном порядке определяются границы, в которых судебная ветвь власти позволяет себе рассмотреть деятельности других ветвей власти. Традиционно в рамках израильской доктрины судебного разбирательства, деятельность Кнессета, во всей ее полноте, а также вопросы исключительной компетенции исполнительной власти, такие как, оборона и внешняя политика, рассматривались как неподлежащие судебному разбирательству [8;10].

В-третьих, Суд существенно расширил сферу своего контроля по содержанию деятельности и решений, принятых органами исполнительной власти. Традиционно Суд ограничивал свою сферу полномочий в отношении решений административных органов только рассмотрением того действовали ли они в рамках своих полномочий при принятии решения. В 1980-е годы, однако, Суд разработал доктрину «разумности», согласно которой суд наделял себя полномочиями рассматривать содержание решений органов исполнительной власти, а именно, надлежащим ли образом административный орган проанализировал различные доводы и обстоятельства, имеющие отношение к его решению [10].

Через некоторое время после вступления в силу двух Основных законов судья Верховного суда А. Барак заявил, что в Израиле произошла «конституционная революция»: в правовую систему Израиля был добавлен конституционный слой, на основе которого Верховный суд впредь будет рассматривать законодательную деятельность Кнессета и решения органов публичной власти. Это заявление А. Барака предоставило Верховному Суду возможность для осуществления четырех фундаментальных изменений в области конституционного права Израиля, ни одно из которых не было предусмотрено в процессе принятия двух основных законов.

Во-первых, притом, что только Основной закон о свободе занятий содержит «забронированные» положения, в 1995 г. в ходе судебного процесса по делу *Банк ха-Мизрахи против Мигдаль*, Верховный суд интерпретирует два закона, гарантирующие права человека - Основной закон «О достоинстве и свободе человека» и Основной закон «О свободе занятий» - как наделяющие его силой судебного пересмотра.

Во-вторых, Суд широко истолковывает понятие «достоинство» в контексте Основного закона «О достоинстве и свободе человека», дабы внести в него различные фундаментальные права, которые не были отчетливо прописаны в законе, такие как право на равенство, свободу вероисповедания и свободу слова.

В-третьих, Суд рассматривал «достоинство» как источник не только политических и

гражданских прав, но и социальных прав.

В-четвертых, Суд постановил, что он уполномочен аннулировать законодательные акты, принятые парламентом с 1958 года (дата принятия первого основного закона), противоречащие положениям любого из основных законов [\[18\]](#).

Заявление А. Барака о наступлении «конституционной революции», а также новая конституционная практика Суда, были встречены с критикой, притом не только от противников суда. Так, Моше Ландау, бывший председатель Верховного суда Израиля, написал, что «конституционная революция пришла на нас непреднамеренно и случайно» [\[14, p. 419-420\]](#), и что «это единственная конституция в мире, которая была создана устами суда» [\[15, p. 249, 254\]](#). В свою очередь Г. Сапир, профессор конституционного права из Университета имени М. Бар-Илана, свидетельствует: «Я не знаю больше ни одного государства, в котором ведутся споры о наличии конституции» [\[23, p. 311, 322; 22, p. 232-233\]](#).

Отдельного упоминания заслуживает тот факт, что Верховный суд Израиля, как правило, действуют в пределах круга светскости (как это делают практически все высшие судебные органы в западном мире). Одновременно с этим, Суд также служил и до сих пор служит в определении культурной самобытности израильского права. Эта степень нововведений должна быть результатом столкновения различных идеологических представлений относительно культурной ориентации Израиля. По утверждению М. Маутнера господствовавшая либерально-ориентированная часть общества утратила власть в политической и культурной сфере Израиля, хотя изначально они стремились найти «приют» в либеральной деятельности Верховного суда [\[19, p. 1-2\]](#). В сущности, проблема, которая встает перед Судом заключается в отсутствии определенности по вопросу положения государства и религии внутри страны.

В других странах данный вопрос четко прописан в конституционных документах. Так в США, разделение государства и религии является фактом, закрепленным как на правовом, так и на общественном уровне. С другой стороны, Греция, представляющая хрестоматийный, пример европейского государства, которое эффективно соединяет церковь и государство в единое целое [\[3\]](#). В случае с Израилем очевидным является факт, что, с одной стороны, в государстве отсутствует официальная религия, а с другой, не корректным будет выглядеть высказывания о разделении светского и религиозного начал [\[1\]](#). Данный вопрос не был окончательно решен в современном Израиле и границы в этой области остаются в значительной степени размытыми (и, возможно, это правильно, так как способствует совместному проживанию различных элементов в правовой системе).

Верховный суд также противостоит Галахе, выказывая явное предпочтение англо-американской судебной практике [\[19, p. 40\]](#). Может ли этот выбор расценен как передовой шаг в возведении израильской правовой системы? Светские правоведы предпочли бы этот подход в силу того, что он, - как отмечают и судьи Верховного суда, - указывает на светский характер права, тем самым, отделяя религиозные элементы в отправлении правосудия. Социологи права, с другой стороны, критикуют такой подход, аргументируя это тем, что судебное сопротивление Галахе может быть расценено как ущемление одного из элементов культуры Израиля. Тем не менее, несмотря на очевидную ориентацию практики Верховного суда в сторону западного права, судьям необходимо учитывать баланс между «еврейским» (религиозной правовой традицией) и

«демократическим» (светской правовой традицией) [\[19, p. 45\]](#).

В отличие от Верховного суда США, который ограничивает деятельность американского правопорядка, Верховный суд Израиля пошел дальше, фактически определяя ряд процессов израильской правовой системы. В отличие от Верховного суда Японии, который известен своей сдержанностью, Верховный суд Израиля выступает в качестве наиболее «активного» суда в мире [\[3, p. 541; 2, p. 855, 883\]](#). Суд формирует руководящие начала правовой системы, блокируя законы, которые идут вразрез с либерально-правовыми принципами и сторонами постулатов, основанных на узких религиозных догматах, что максимально способствует усилению начал свободы, справедливости и демократии в израильском обществе. Новаторством можно охарактеризовать, то, как Верховный суд Израиля «хитроумно» и динамично оказывает воздействие на идеологическое содержание и ориентиры израильской правовой системы. Все это отличает его от Верховного суда США, который изредка выступает в качестве центральной власти для фундаментальных структурных изменений [\[6, p. 554\]](#).

Анализируя деятельность Верховного суда Израиля в настоящий момент, нельзя обойти вниманием высказывания профессора А.Д. Эпштейна о том, что дальнейшее усиление в стране статуса высшего органа правосудия будет, по всей вероятности, означать качественное изменение характера политической системы израильского общества, ее трансформации из демократии в меритократию - из «власти народа» во «власть достойных». При этом он приводит слова председателя Верховного суда А. Барака, который полагает, что в то время как Кнессет выражает волю нации, историческое предназначение Верховного суда состоит в определении и отстаивании тех либерально-гуманистических идеалов, к которым она (нация) должна стремиться [\[29, с. 229\]](#).

В результате всего этого, в начале XXI в. Верховный суд Израиля поставил себя в весьма затруднительное положение, потеряв значительное количество доверия не только среди своих противников, еврейских религиозных кругов, но и среди своих традиционных сторонников, израильтян, которые отождествляют себя с западной, светской, либеральной культурой. Это момент кризиса не только для суда, но для израильского либерализма, ибо с момента создания государства Суд играет решающую роль в отстаивании и распространении либерально-демократической политической культуры Израиля. Это может оказаться поворотным пунктом в развитии политической культуры Израиля во всей своей полноте [\[18\]](#).

Вместе с тем в последнее время активность Верховного суда Израиля существенно снизилась. Высшая судебная инстанция в меньшей мере стала вторгаться в сферу правотворчества, не принимая «революционные» решения, а также практически отстранившись от обсуждения законодательных инициатив в Кнессете [\[29, с. 47\]](#).

[\[1\]](#) Деятельность и полномочия Верховного суда Израиля регулируются целым рядом правовых актов. Так, ядром конституционного законодательства, регулирующим деятельность судей, является Основной закон о судеустройстве (1984). Помимо этого, судьи Верховного Суда обладают исключительным правом для выполнения ряда внесудебных функций, так они председательствуют в комиссиях по расследованию (Закон «О комиссиях расследования» 1968) и осуществляют контроль выборов в Кнессет в соответствии с Законом «О выборах в Кнессет и премьер-министра» (1969).

[\[2\]](#) Для обозначения феномена правового формализма используются также термины «доктринализм», «концептуализм», «правовая наука», «доктринальное толкование норм

права», «праворазъяснительная установка» и «профессионализм» [16].

[3] Конституция Греции действует «Во имя Святой, Единосущной и Нераздельной Троицы» (преамбула к Конституции). В свою очередь статья 3 Конституции предусматривает, что «господствующей в Греции религией является религия восточно-православной Церкви Христовой».

Библиография

1. Barak, A. Some Reflections on the Israeli Legal System and its Judiciary / A. Barak // Electronic Journal of Comparative Law. – 2002. – Vol. 6.1. – April. – P. 1-10.
2. Chen, Albert H.Y. Pathways of Western Liberal Constitutional Development in Asia: A Comparative Study of Five Major Nations / A.H.Y. Chen // International Journal of Constitutional Law.-2010.-Vol. 8.-№.4.-P. 849-884.
3. David, R. Major Legal Systems in the World Today / R. David, J. E. C. Brierley. – 3rd ed. – London : Stevens & Sons, 1985. – 650 p.
4. Edelman, M. Israel. / M. Edelman // The Global Expansion of Judicial Power / eds. by N. Tate, T. Vallinder. – New York : New York University Press, 1995.-P.403-415.
5. Goldstein, S. Israel Report. / S. Goldstein / Mixed Jurisdictions Worldwide: The Third Legal Family / ed. by Palmer Vernon V.-New York : Cambridge University Press, 2001. P. 448-468.
6. Guinier, L. Courting the People: Demosprudence and the Law/Politics Divide / L. Guinier // Boston University Law Review.-2009.-89.-P. 539-561.
7. HCJ 217/80 Segal v. The Minister of Interior, 34 (4) P.D. 429 (1980); [Электронный ресурс].-Режим доступа : <http://elyon1.court.gov.il/eng/home/index.html>
8. HCJ 73/85 "Kach" Party v. Speaker of the Knesset, 39 (3) P.D. 141 (1985); [Электронный ресурс].-Режим доступа : <http://elyon1.court.gov.il/eng/home/index.html>
9. HCJ 852/86 Aloni v. The Minister of Justice, 41 (2) P.D. 1 (1987). [Электронный ресурс].-Режим доступа : <http://elyon1.court.gov.il/eng/home/index.html>
10. HCJ 910/86 Ressler v. The Minister of Defense, 42 (2) P.D. 441 (1988). [Электронный ресурс].-Режим доступа : <http://elyon1.court.gov.il/eng/home/index.html>
11. Holtzman-Gazit, Y. Expropriation Law in the 1950s in Light of Zionist Ideology of Immigrant Absorption and Private Property / Y. Holtzman-Gazit // Land Law in Israel: Between Private and Public / ed. H. Dagan.-Tel Aviv: Ramot, 1999.-P. 223-252.
12. Horwitz, M. The Transformation of American Law 1870-1960: The Crisis of Legal Orthodoxy / M. Horwitz. – New York : Oxford University Press, 1992. – 361p.
13. Kronman, A. The Lost Lawyer: Failing Ideals of the Legal Profession / A. Kronman. – Cambridge : Harvard University Press, 1993.-440 p.
14. Landau, M. Reflections on the Constitutional Revolution / M. Landau // Mishpatim.- 1996. 26.-P. 419-424.
15. Landau, M. Three Years After Bank Hamizrahi Decision / M. Landau // Hamishpat.- 2000.-10.-P. 249-254.
16. Leiter, B. Positivism, Formalism, Realism / B. Leiter // Columbia Law Review. – 1999. – 99. – P. 1138-1164.
17. Mautner, M. Beyond Toleration and Pluralism: The Law School as a Multicultural Institution / M. Mautner // International Journal of the Legal Profession.-2002.-№7. – P. 55-82.

18. Mautner, M. Constitutional Culture in a Culturally Polarized Country / M. Mautner [Электронный ресурс].-Режим доступа : www.tau.ac.il/law/mautner/luctuar/8.doc
19. Mautner, M. Law and Culture of Israel / M. Mautner. – New York : Oxford University Press, 2011.-267 p.
20. Mautner, M. The Decline of Formalism and the Rise of Values in Israeli Law / M. Mautner.-Tel Aviv: Ma'agalay Da'at, 1993.-167 p.
21. Minda, G. Postmodern Legal Movements Law and Jurisprudence at Century's End / G. Minda.-New York: New York University Press, 1995.-350 p.
22. Salzberger, E. Judicial Activism in Israel / E. Salzberger // Judicial Activism in Common Law Supreme Courts / ed. by B. Dickson. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – P. 217–233.
23. Sapir, G. Between Liberalism and Multiculturalism /G. Sapir// Bar-Ilan Law Studies.-2010. – 26.-P. 311-342.
24. Scalia, A. The Doctrine of Standing as an Essential Element of the Separation of Powers /A. Scalia // Suffolk University Law Review.-1983.-17.-P. 881–899.
25. Tsen, E. L. The Standing Doctrine's Dirty Little Secret / E.L. Tsen, J. M. Ellis // Northwestern Law Review.-2012.-107.-P. 169–236.
26. Задворянский, Е.Э. Роль Верховного суда Израиля в конституционно–правовом регулировании религиозных отношений, свободы вероисповедания и совести в контексте решения задач по обеспечению мира и безопасности / Е.Э. Задворянский // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление.-2011.-№ 11 (17).-С. 110-117.
27. Зиссерман–Бродская, Д. Верховный суд Израиля и публичная дискуссия о его функциях / Д. Зиссерман–Бродская // Восток и современность.-1999.-№ 8.-С. 223–243.
28. Примаков, Д.Я. История еврейского и израильского права / Д.Я. Примаков.-М.: Инфотропик Медиа, 2015. – 212 с.
29. Ульбашев, А.Х. Проблемы кодификации гражданского права в Государстве Израиль: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Ульбашев Алим Хусейнович. – М., 2016. – 219 с.
30. Эпштейн, А.Д. Социально–политические последствия укрепления статуса Верховного суда как главенствующей структуры в политической жизни Израиля / А.Д. Эпштейн // Ближний Восток и современность : сб. статей.-№8.-1999.-С.223-243.

References (transliterated)

1. Barak, A. Some Reflections on the Israeli Legal System and its Judiciary / A. Barak // Electronic Journal of Comparative Law. – 2002. – Vol. 6.1. – April. – P. 1-10.
2. Chen, Albert H.Y. Pathways of Western Liberal Constitutional Development in Asia: A Comparative Study of Five Major Nations / A.H.Y. Chen // International Journal of Constitutional Law.-2010.-Vol. 8.-№.4.-P. 849–884.
3. David, R. Major Legal Systems in the World Today / R. David, J. E. C. Brierley. – 3rd ed. – London : Stevens & Sons, 1985. – 650 p.
4. Edelman, M. Israel. / M. Edelman // The Global Expansion of Judicial Power / eds. by N. Tate, T. Vallinder. – New York : New York University Press, 1995.-P.403-415.
5. Goldstein, S. Israel Report. / S. Goldstein / Mixed Jurisdictions Worldwide: The Third Legal Family / ed. by Palmer Vernon V.-New York : Cambridge University Press, 2001. P. 448-468.
6. Guinier, L. Courting the People: Demosprudence and the Law/Politics Divide / L.

- Guinier // Boston University Law Review.-2009.-89.-P. 539-561.
7. HCJ 217/80 Segal v. The Minister of Interior, 34 (4) P.D. 429 (1980); [Elektronnyi resurs].-Rezhim dostupa : <http://elyon1.court.gov.il/eng/home/index.html>
  8. HCJ 73/85 "Kach" Party v. Speaker of the Knesset, 39 (3) P.D. 141 (1985); [Elektronnyi resurs].-Rezhim dostupa : <http://elyon1.court.gov.il/eng/home/index.html>
  9. HCJ 852/86 Aloni v. The Minister of Justice, 41 (2) P.D. 1 (1987). [Elektronnyi resurs].-Rezhim dostupa : <http://elyon1.court.gov.il/eng/home/index.html>
  10. HCJ 910/86 Ressler v. The Minister of Defense, 42 (2) P.D. 441 (1988). [Elektronnyi resurs].-Rezhim dostupa : <http://elyon1.court.gov.il/eng/home/index.html>
  11. Holtzman-Gazit, Y. Expropriation Law in the 1950s in Light of Zionist Ideology of Immigrant Absorption and Private Property / Y. Holtzman-Gazit // Land Law in Israel: Between Private and Public / ed. H. Dagan.-Tel Aviv: Ramot, 1999.-P. 223-252.
  12. Horwitz, M. The Transformation of American Law 1870-1960: The Crisis of Legal Orthodoxy / M. Horwitz. - New York : Oxford University Press, 1992. - 361p.
  13. Kronman, A. The Lost Lawyer: Failing Ideals of the Legal Profession / A. Kronman. - Cambridge : Harvard University Press, 1993.-440 p.
  14. Landau, M. Reflections on the Constitutional Revolution / M. Landau // Mishpatim.- 1996. 26.-P. 419-424.
  15. Landau, M. Three Years After Bank Hamizrahi Decision / M. Landau // Hamishpat.- 2000.-10.-P. 249-254.
  16. Leiter, B. Positivism, Formalism, Realism / B. Leiter // Columbia Law Review. - 1999. - 99. - P. 1138-1164.
  17. Mautner, M. Beyond Toleration and Pluralism: The Law School as a Multicultural Institution / M. Mautner // International Journal of the Legal Profession.-2002.-№7. - P. 55-82.
  18. Mautner, M. Constitutional Culture in a Culturally Polarized Country / M. Mautner [Elektronnyi resurs].-Rezhim dostupa : www.tau.ac.il/law/mautner/luctuar/8.doc
  19. Mautner, M. Law and Culture of Israel / M. Mautner. - New York : Oxford University Press, 2011.-267 p.
  20. Mautner, M. The Decline of Formalism and the Rise of Values in Israeli Law / M. Mautner.-Tel Aviv: Ma'agalay Da'at, 1993.-167 p.
  21. Minda, G. Postmodern Legal Movements Law and Jurisprudence at Century's End / G. Minda.-New York: New York University Press, 1995.-350 p.
  22. Salzberger, E. Judicial Activism in Israel / E. Salzberger // Judicial Activism in Common Law Supreme Courts / ed. by B. Dickson. - Oxford : Oxford University Press, 2007. - P. 217-233.
  23. Sapir, G. Between Liberalism and Multiculturalism /G. Sapir// Bar-Ilan Law Studies.- 2010. - 26.-P. 311-342.
  24. Scalia, A. The Doctrine of Standing as an Essential Element of the Separation of Powers /A. Scalia // Suffolk University Law Review.-1983.-17.-P. 881-899.
  25. Tsen, E. L. The Standing Doctrine's Dirty Little Secret / E.L. Tsen, J. M. Ellis // Northwestern Law Review.-2012.-107.-P. 169-236.
  26. Zadvoryanskii, E.E. Rol' Verkhovnogo suda Izrailiya v konstitutsionno-pravovom regulirovanii religioznykh otnoshenii, svobody veroispovedaniya i sovesti v kontekste resheniya zadach po obespecheniyu mira i bezopasnosti / E.E. Zadvoryanskii // Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie.- 2011.-№ 11 (17).-S. 110-117.

27. Zisserman–Brodszkaya, D. Verkhovnyi sud Izrailya i publichnaya diskussiya o ego funktsiyakh / D. Zisserman–Brodszkaya // Vostok i sovremennost'.-1999.-№ 8.-S. 223–243.
28. Primakov, D.Ya. Istoriya evreiskogo i izrail'skogo prava / D.Ya. Primakov.-M.: Infotropik Media, 2015. – 212 s.
29. Ul'bashev, A.Kh. Problemy kodifikatsii grazhdanskogo prava v Gosudarstve Izrail': dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03 / Ul'bashev Alim Khuseinovich. – M., 2016. – 219 s.
30. Epshtein, A.D. Sotsial'no–politicheskie posledstviya ukrepleniya statusa Verkhovnogo suda kak glavenstvuyushchei struktury v politicheskoi zhizni Izrailya / A.D. Epshtein // Blizhnii Vostok i sovremennost' : sb. statei.-№8.-1999.-S.223-243.